

МОЯ НЕЗАБЫВАЕМАЯ ШКОЛА № 10. 1937 г.

1 сентября 1936 года мы переступили порог нового четырехэтажного здания школы, построенной среди зелени большого сквера, занимающего целый квартал между улицами Мастерской и Мечникова (Внешней). Материалом для строительства послужил местный, одесский, камень-ракушечник разрушенной Петропавловской церкви.

Она была сооружена в 1839 году, как указано на 394 странице книги "Столетие Одессы" (издание Округного общественного управления, одесская типография А. Шульца, ул. Ланжероновская, дом Карузо, № 36, 1895 г.).

Здание церкви, выдержанное в классическом стиле, с дорическими портиками и в высшей степени удачными пропорциями было в числе лучших церковных строений города.

Мы, юнцы, радовались новой школе, ее просторным и светлым классными комнатами, не задумываясь и не осознавая, к какому чудовищному моральному падению людей приведет в конечном счете это массовое, по всей стране, безжалостное закрытие и варварское разрушение церквей, синагог, кенас и других молитвенных заведений.

До сооружения новой наша школа размещалась в двух флигелях дореволюционной постройки в Староконном переулке, 9. Это были добротные трехэтажные здания, одно из которых — главное — выходило на фасад переулка и было украшением его, а другое — располагалось в глубине большого двора. Лестницы в зданиях были мраморными, классы — с высокими потолками и большими окнами. Здания стали очень тесными для увеличившегося контингента учащихся. К слову, они и теперь еще служат народному просвещению.

В школе кипела юношеская жизнь. Работала гимнастическая секция, юные спортсмены принимали участие в районных и городских состязаниях, занимая классные места.

Новая школа была тоже хорошей, со светлыми и большими классами. Перемены можно было проводить на воздухе — среди зелени акаций и кленов, окружающих школу.

Школа была укомплектована замечательными педагогами. Они не только обладали обстоятельным знанием своих предметов, умением преподавать, но и хорошо знали нас всех по имени и фамилии, а также были знакомы со многими родителями учеников.

Даже спустя много десятков лет я не могу хоть кого-нибудь из них помянуть недобрым словом и благоговейно перед памятью о них.

Самуил Давидович Гольдфедер — директор школы, преподаватель русского языка и литературы. Всегда спокойный, выдержанный, уравновешенный. Строгий и добрый. Мы не слышали, чтобы он когда-нибудь повысил голос. Высокий, широкоплечий, с большой залысиной на лбу и усами.

Школьный хор и домровый оркестр неоднократно выступали не только на школьных вечерах, но и по городскому радио. Вступительное слово в радиодиректоре всегда произносил директор. Речь свою он обычно заканчивал словами: "Все свои силы и знания мы отдадим на благо нашей любимой Родины, а если потребуются, то и свою жизнь". Самуил Давидович погиб в первые же месяцы войны — при обороне Одессы.

Надежда Михайловна Горская — завуч и преподаватель истории.

Борис Иванович Галащук — наш классный руководитель, преподаватель украинского языка. Невысокий, плотненький наш "пупсик" и милый "Бориванчик". Когда он впервые задал нам выучить наизусть целый листик из "Интермеццо" М. Коцюбинского, нашему возмущению не было предела.

— Как это — учить наизусть прозу? — недоумевали мы.

Но он очень просто и быстро охладил наш пыл.

— А как же артисты выучивают свои большие роли прозой? — парировал он. — А если кто-то из вас станет артистом, как вы будете учить свои роли?

Его доводы развеяли наше недоумение. На следующем уроке каждый из нас бойко декламировал: "Идут дощі, холодні осінні тумани клубочаться вгорі й спускають на землю мокрі коси" (прошло уже много десятков лет, а пишу это по памяти).

После нашего выпуска Борис Иванович стал преподавателем Одесского университета.

Михаил Исаевич Максимчук — математик, сумевший привить такие интерес и любовь к своему предмету (казалось бы, такому сухому!), что большая группа учащихся решала задачи по алгебре, геометрии и тригонометрии не только заданные на дом, а все подряд.

Татьяна Алексеевна Дятлова — "географиня", добрая, высокоинтеллигентная учительница, благодаря которой мы уже тогда "побывали" на всех континентах Земли.

Лидия Казимировна Горохович — наша "химичка" и "биологичка". Высокая, стройная, с правильными, приятными чертами лица, симпатичная всем ученикам, особенно хлопцев, и, вероятно, учителей.

Александр Григорьевич Брахман — физик. Он умел подтверждать законы физики демонстрацией приборов не только фабричного изготовления, но и сделанных своими руками.

В любительской фотолaborатории занимались под его руководством члены фотокружка. Он был хорошим товарищем школьных во внеурочное время, и неудивительно, что его любили, ватага мальчишек всегда сопровождала его. Вместе с учительницей химии он создал прекрасный физико-химический кабинет.

Лидия Александровна Ффингстен — "немка" не только по предмету преподавания, но и по национальности. На ее уроках были тишина и активность учеников. Статная, интересная женщина, прекрасный преподаватель. Строгая, даже несколько педантичная, но в то же время — добрая. Учительница высочайшего класса. Она — автор нескольких учебников немецкого языка. Ее любили.

...В первый день нашего последнего учебного года в класс вошел директор вместе с низеньким пожилым мужчиной и представил его нам:

— Ваш новый учитель русского языка и литературы — Алексей Дмитриевич Щербина.

Новый учитель не был похож ни на одного из наших учителей. Низенький, с небольшой седой бородкой и усами, он напоминал нам старого, дореволюционного учителя, каких мы видели в кино. Он был старше всех наших учителей, и это нас настораживало.

Говорил он настолько тихо и спокойно, непривычно для нас, что было бы слышно, как жужжит муха, если бы только она была в классе. Но речь педагога была настолько увлекательна, что мы сидели и слушали, как завороченные.

Он был лучшим методистом города и преподавателем Одесского государственного университета. Первые несколько уроков Алексей Дмитриевич всецело посвятил А.С. Пушкину, творчество которого знал почти все наизусть, замечательно декламировал стихи и удивительно, что привил нам любовь к поэзии вообще и к пушкинской — особенно.

Талантливейший преподаватель, он обаял нас завести общие тетради, в которые необходимо было выписывать все, что понравится в прочитанных книгах. При этом он оговорил одно обязательное правило — при списывании не допускать ни одной ошибки. В изучении грамотности, — добавил он, — на ошибках не учатся!

В том учебном году исполнилось 100 лет со дня смерти А.С. Пушкина, и Алексей Дмитриевич организовал большой торжественный ве-

чер памяти великого поэта. Многие учащиеся выступали с чтением произведений поэта. Ученик Николай Павлюк с чувством читал свое стихотворение, написанное к юбилею поэта, "У портрета А.С. Пушкина":

*Ты погиб тридцати семи лет
От руки иностранца-Дантеса...*

Мне же досталось стихотворение "К Чаадаеву". Листок, на котором было написано рукой Алексея Дмитриевича это произведение, сохранен мною до сих пор — как добрая память об учителе.

Знакомясь с архивными материалами, старыми справочниками, мне удалось обнаружить много интересного о церкви, на месте которой построена наша школа. Например, в "Трудах Одесского статистического комитета за 1870 год, выпуск III и IV" я вычитал, что "Петропавловская единоверческая церковь (на Молдаванке) построена в 1828 — 1829 годах", а не в 1839-м, как указано в упомянутой выше книге "Столетие Одессы".

Как бы то ни было с датой постройки, но ко времени разрушения церковь простояла сто лет и была в прекрасном состоянии.

Я узнал также, что до революции в здании по Староконному переулку, 9, где я учился в школе № 10, находилась школа № 86.

Из других источников узнал много ранее мне неизвестного и интересного о своем учителе, Алексее Дмитриевиче Щербине. Узнал, что он был на службе в учебных заведениях Одесского учебного округа с 1902 года. С этого же года по 1918-й работал преподавателем русского языка в 4-й гимназии, находившейся на улице Пушкинской, 9. В 1910 году А.Д. Щербина получил чин коллежского секретаря. В 1912 году был назначен историко-филологическим обществом при Императорском Новороссийском университете, находившегося на улице Дегтярной, 17.

Все наши учителя были мастерами своего дела, и это сказалось на результатах их работы — все выпускники, которые сдавали вступительные экзамены в высшие учебные заведения, стали студентами, а впоследствии — прекрасными специалистами-инженерами, учеными.

Шура Студзинская, получившая золотую медаль, окончила университет и стала химиком.

Николай Гулевич, любитель истории еще со школьной скамьи, окончил исторический факультет, защитил кандидатскую диссертацию и стал доцентом педагогического института.

Лора Лаврова окончила институт водного транспорта и работала в конструкторском бюро.

Толя Губарь после окончания университета стал преподавателем русского языка и литературы, завучем одной из одесских школ.

Идочка Кристалл — эта маленькая, хрупкая девочка, написавшая в школьные годы сценарий, много лет преподавала в школе русский язык и литературу.

Женя Медведчик и автор этих строк мечтали о дальних странствиях, хотели увидеть Тадж-Махал, Пизанскую башню, сказочную Венецию, египетские пирамиды... Юношеская романтика привела нас к получению специальности геодезиста. Первый из нас стал доцентом и завкафедрой геодезии Одесского строительного института, второй — производственным, инженером технических изысканий, изъездившим за четверть века почти весь Советский Союз, тем самым в какой-то мере реализовав свои юношеские мечты и убедившись: и на одной шестой части планеты столько красоти и экзотики, что не хватит жизни, чтобы все увидеть. Последние почти четверть века мне довелось возглавлять отдел технических изысканий в своем же проектно-институте. Немало юношеских мечтаний сбылось несколько позже...

В проектных институтах работали инженерами-конструкторами

Женя Томашевский и Виктор Дегтярев, инженером-проектировщиком работала Рива Ратинер.

Коля Павлюк, с детства писавший стихи, внушал нам уверенность, что будет поэтом. Но он стал ученым-филологом, кандидатом Одесского университета. Когда-то давний главный библиограф университетской библиотеки, Виктором Семеновичем Фельдман, "живая энциклопедия", сказал о рано ушедшем из жизни Николае Владимировиче Павлюке: "Это был настоящий ученый".

Сара Липсон параллельно с учебой в школе лучшие годы детства и юности отдавала игре на скрипке.

— Вот когда-нибудь, — говорила она мне, — ты увидишь на афишной тумбе и мое имя.

Но травма руки помешала ей осуществить свою мечту. В послевоенные годы Сара работала в одной из московских газет.

Малая (Мальвина) Швидлер стала Заслуженной артисткой Украины, работая в одном из киевских театров (недаром же Борис Иванович Галащук требовал учить наизусть прозу!).

Нельзя, однако, забывать, что мы росли и учились в очень тяжелые тридцатые годы, в сложное, трудное и страшное время. Среди нас не было богачей, все жили довольно скромно. Пережили голодовку времен коллективизации, и это не могло не сказаться на нашем здоровье.

Мы были слабыми и в школьные годы уже потеряли нескольких соучеников. В 8-м классе умер от порока сердца Коля Якубовский, в 9-м от туберкулеза — Сема Ройтман. От этой же болезни скончался ученик 10-го класса Алеша Мельничук. У него были задатки талантливого художника. Превосмогая болезнь, он трудился, спешил и все же успел закончить писать маслом копию картины Айвазовского "Пушкин у моря" и подарить ее школе. Он прожил совсем недолго после этого.

Страшный 1937 год коснулся и нашей школы.

Однажды после выходного дня на первом уроке вместе со звонком в классе неожиданно появился директор и объявил, что урок географии будет проводить он. После некоторой тяжелой паузы каким-то глухим голосом он сообщил, что вчера, в воскресенье, коллектив школы похоронил нашу учительницу географии Эмилию Григорьевну. Мы были в шоке. В голове не уместилась мысль, что нашей Эмилии Григорьевны уже нет. Рыдания девочек и волнение мальчиков не позволяли начать урок. Смерть учительницы была слишком неожиданна, непонятна, и мы все тяжело переживали эту утрату. Мы знали, что Эмилия Григорьевна — одесситка, но недавно вернулась в родной город из Киева, где прожила много лет.

Спустя несколько лет после окончания школы я встретился с племянником Эмилии Григорьевны, Милей Гансвиндом, в прошлом тоже учеником нашей школы, и кое-что узнал о причине ее смерти. Он рассказал, что муж Эмилии Григорьевны занимал очень высокое положение в столице Украины и был репрессирован. Одинокая, бездетная, она вернулась в город своих детства и юности, где у нее были родственники и друзья.

Репрессии, проводившиеся в Одессе, как и во всех местностях Союза, постоянно тревожили ее, она чувствовала, что и ее может постигнуть та же участь, что и мужа. Она сказала своей сестре, матери Мили: если к ней вдруг постучатся ночью, а это значит, что пришла за ней, она покончит с собой. Так, по-видимому, и было. Она отравилась.

Не минула подобная горькая участь и семью нашего соученика Коли Рубана. Его отец, узник ГУЛАГа, тоже канул в небытие.

В июне 1937 года рано утром мы собрались в классе. Предстоял вы-

пускной экзамен по истории. Преподавал этот предмет молодой, очень симпатичный, эрудированный и остроумный учитель, Леонид Арсентьевич Домбровский. Мы были влюблены в него, особенно девочки. Его уроки были довольно напряженными. Помнится, что даже первая его лекция — "вводная" — не была с одним "в".

С подачей учебного материала он вполне укладывался в академический час. И не только укладывался, но всегда отводил в конце урока несколько минут, чтобы снять у нас напряжение и мы расслабились. Он задавал нам шарады, вопросы на отвлеченные темы не только по истории, но и по литературе. Мы его боготворили...

...Прозвенел звонок, извещающий о начале урока. Но экзаменатор и экзаменационная комиссия не появлялись. Минут через пятнадцать в класс вошел директор и предложил нам выйти из здания школы на воздух и погулять в садике. Позже нас позвонил, сказал он. Все это было необычно и непонятно.

Было прекрасное теплое, солнечное утро. Некоторые ученики разбрелись по саду, а небольшая группа ребят уселась на скамью в тени деревьев, и мы шумно о чем-то говорили. Мы были так увлечены разговором, что и не заметили, как около нас оказался милиционер. Он спросил, почему мы не в школе, и мы ответили, что задержался наш экзаменатор. Никогда раньше в сквере нашей школы не появлялась милиция, и вдруг...

Милиционер не уходил, продолжал стоять около нас. Кто-то из ребят, встав со скамьи, предложил ему сесть. Он охотно воспользовался предложением и продолжал свое присутствие в нашем обществе. Как, почему и зачем он оказался около нас, было непонятно.

У нашего соученика, Жеки Томашевского, был при себе фотоаппарат, и он сфотографировал нашу компанию вместе с "непроявленным гостем". Этот снимок сохранился у меня до сих пор. Прошло, вероятно, более двух часов, до тех пор пока нас позвали в класс. Экзаменатором был другой учитель.

Позже мы узнали, что наш любимец, Леонид Арсентьевич в ту ночь был арестован. Больше мы ничего о нем не узнали.

...Шел выпускной экзамен по украинскому языку. Я сидел уже за отдельным столом и готовился к экзамену. Третьим вопросом в экзаменационном билете было стихотворение Павла Тычины "Пісня трактористки".

Когда я был уже готов отвечать, неожиданно вошел в класс директор и представил нам наркома просвещения Украины Владимира Петровича Затонского. Его лицо было знакомо нам по портретам. Появление в классе наркома так взволновало меня, что злполучная "Пісня..." напрочь вылетела из головы, как я ни силился, не мог вспомнить ее начало. От волнения даже прокусил губу.

Но подошла моя очередь, и учитель пригласил меня к доске. Я пошел отвечать, так и не вспомнив стихотворения. Несмотря на волнение, я довольно бойко ответил на первых два вопроса, и тут вдруг в памяти воскресло это стихотворение, и я отчеканил его тоже хорошо:

*Дим-димок од машин,
Мов дівожі літа.
Не той тепер Миргород,
Хорол-річка не та.*

Нарком просвещения Украины Владимир Петрович Затонский был арестован и расстрелян годом позже.

Летяг годы, а за ними следом плывут воспоминания о дорогих ушедших школьных годах.

Павел ЦАУДЕР.
Сан-Франциско.